

На правах рукописи

БЕЛОЗЁРОВА МАРИНА ВИТАЛЬЕВНА

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОГО
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ
(1920-е гг. – НАЧАЛО XXI в.)**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Томск 2008

Работа выполнена на кафедре отечественной истории
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный консультант	доктор исторических наук, профессор Зиновьев Василий Павлович
Официальные оппоненты	доктор исторических наук, профессор Андреев Валерий Павлович доктор исторических наук, профессор Колоткин Михаил Николаевич доктор исторических наук, доцент Коновалов Александр Борисович
Ведущая организация	ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Защита состоится «21» ноября 2008 г. в ауд. 43 учебного корпуса № 3 ТГУ на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет», по адресу:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, третий корпус, ауд. 43

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Автореферат разослан «___» _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О. А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Актуальность исследования интеграции автохтонных народов Южной Сибири в социально-экономическую инфраструктуру государства в период его модернизации (XX – начало XXI вв.) определяется кардинальными изменениями в социально-экономической и этнодемографической ситуации в национальных районах. Они обозначили ряд социальных проблем, которые требуют своего разрешения в рамках федеральной концепции национальной политики и при формировании программ социально-экономического развития отдельных народов на региональном уровне.

Формирование и реализация курса политики во многом определяется позицией части коренного населения (прежде всего интеллигенции) и создаваемых социальных институтов, которые представляют интересы национальных меньшинств. Это связано с нерешенностью ряда проблем в советский период, а затем резким переходом к рыночным реформам в конце 1980-х – 1990-е гг., что способствовало формированию в их среде устойчивого мнения о том, что проводимый государством курс национальной политики игнорировал, а иногда и входил в противоречие с этническими интересами коренного населения. И, во-вторых, это стало своеобразным «катализатором» возникновения и развития «национальных движений».

Для современного периода характерно формирование «политических платформ» национальных объединений по ряду ключевых вопросов: сохранение «этнической территории», правовое закрепление приоритетного природопользования для сельских анклавов, право на административно-территориальные формы автономии, формирование «национального» самоуправления. При этом национальные лидеры в той или иной мере апеллируют как к нормам международного права, так и к «историческим прецедентам» - периодам этнической истории, когда идентичные современным проблемы имели ту или иную форму разрешения.

Поэтому возрастает интерес к более углубленному исследованию социально-экономических и этнополитических процессов, протекавших в XX – начале XXI столетий в среде автохтонных народов, в том числе и в националь-

ных районах Южной Сибири, вне зависимости от смен форм политического режима и государственного устройства с учетом интересов не только органов государственной власти, но и собственно населения.

Объектом исследования являются автохтонные тюркские народы Южной Сибири – алтайцы, хакасы, шорцы, телеуты. Выбор этносов определен их совместным длительным проживанием в рамках единой историко-культурной области, что в значительной мере определило общую направленность как этнической истории, так и развития культуры. В 1930-е – начале 1990-х гг. объектом национальной политики Ойротской, позднее Горно-Алтайской, автономной области являлось автохтонное население в целом, фиксировавшееся в документах региональных и центральных органов власти, как «алтайцы», без учета этнической специфики и самоидентификации малочисленных этносов (кумандинцев, туболаров, телеутов, теленгитов и др.).

Предметом исследования является интеграция автохтонных этносов Южной Сибири (алтайцев, хакасов, шорцев, телеутов) в модернизируемое общество XX – начала XXI столетий.

Территориальные рамки исследования включают отдельные районы Республик Алтай и Хакасия, Кемеровской области, которые совпадают с этнической территорией алтайцев, хакасов, шорцев и бачатских телеутов. При исследовании данных этнической групп и определении территориальных рамок использовалась методика выборочного исследования (по «полигонам»), разработанная в лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики (ЛЭЭГ) ИУУ СО РАН-КемГУ и уже апробированная при поддержке отечественных (РФФИ, ФЦП «Университеты России», РГНФ и др.) и международных фондов (Форд, Фулбрайт, Сорос).

Хронологические рамки исследования охватывают 1920-е – начало 2000-х гг. Нижняя грань совпадает с началом социалистических преобразований (введение первых форм кооперации, формирование советской системы управления, административно-территориальное переустройство) малочисленных этнических групп Южной Сибири; верхняя – с процессом перехода автохтонных народов к рыночным отношениям, их развитием, повлекшим кардинальные изменения во всех сферах социально-экономических отношений. В настоящее

время эти процессы не завершены. Особое внимание акцентировалось на «узловых» для коренного населения региона периодах истории, когда происходили наиболее важные изменения в их социально-экономической организации (1920-1930-е гг., 1950-1960-е гг., вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг.).

Цели и задачи исследования. Целью исследования является выявление и анализ причинно-следственных связей интеграционных процессов, инициированных государством, определение степени их эффективности и региональной специфики.

Для реализации цели исследования нами были поставлены следующие задачи:

- анализ историографии и определение круга источников для достижения поставленной цели;
- определение круга этнополитических, этнодемографических, социально-экономических проблем, стоящих перед государством в период, предшествующий социалистическим преобразованиям;
- анализ интеграционных процессов в ходе государственного строительства, введения кооперативных форм организации сельскохозяйственного производства и оценка этнодемографических и социально-экономических последствий апробированных государством моделей;
- исследование современных социально-экономических и этнополитических процессов в среде автохтонных народов Южной Сибири, и определение круга проблем, возникавших по мере углубления интеграции их хозяйственной деятельности в рыночную экономику.

Методология и методы исследования. Наш подход к исследованию определялся стремлением дать *объективный анализ ситуации*, сложившейся в национальных районах Южной Сибири с учетом общей направленности и динамики этнополитических процессов в течение XX – начала XXI столетий.

Методологической основой исследования явились принципы *системного подхода*. Интеграция автохтонного населения Южной Сибири в XX – начале XXI столетий рассматривалась в общем контексте трансформации (в отдельных случаях распада) традиционных систем расселения, этнической структуры, социальной организации под воздействием социально-экономических

процессов, инициированных государством. Проявление тенденций к национальному самоопределению в различных сферах социально-экономических отношений (стремление обособиться, предложить «свою» линию развития, опирающиеся на этнические интересы) мы предлагаем рассматривать как реакцию на ход социально-экономических и политических преобразований.

На первом этапе был проведен *синтез* уже имеющихся в историографии сведений и разработок по системе расселения, социальной организации, управления и политического статуса населения, традиционным формам хозяйственной активности. При исследовании социальных институтов применялся *структурно-функциональный метод*, позволяющий дать их характеристику посредством выявления их внутренней организации и функций.

На втором этапе по нескольким хронологическим срезам (1920-1940-е гг., 1950-х – начало 1980-х гг., вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг.) была выявлена общая направленность и формы национальной политики и государственного строительства на основе применения *выборочного метода*. Региональная специфика процессов на каждом этапе выявлялась на основе применения *компаративного анализа*. Максимально полно использовались два подхода: *сравнительно-генетический* и *сравнительно-типологический* при анализе механизма формирования и развития социально-экономических институтов.

При выяснении причин реорганизации и ликвидации отдельных институтов (колхозов, совхозов) был проведен *анализ соответствия* между исторически сложившимися и экологически обусловленными формами хозяйственной деятельности, системой расселения и культуры производства коренного населения региона и предлагаемой государством экономической модели. Отдельно рассматривались *экологические ограничители* (природно-географические) традиционных форм хозяйства, а также демографическая ситуация (количественный и национальный состав населения, его система расселения, характер производственных отношений), существенно сужавшие возможности интенсивного развития экономики.

На третьем этапе нами был проведен анализ эффективности политики государства по интеграции автохтонного населения и проявления сепаратистских тенденций на отдельных этапах исторического развития.

В диссертационном исследовании были применены: *проблемно-хронологический подход, методы полевых исследований* (опрос респондентов, проведение анкетирования), *методы первичной статистической обработки* массовых данных, *метод описательной статистики, техника отражения* экономических и демографических показателей в форме таблиц, графиков.

В процессе решения поставленных во Введении задач методики использовались в комплексе, оценка репрезентативности полученных выводов по выявленным современным процессам проводилась на основе их сопоставления с позицией экспертов из числа представителей государственной власти и лидеров национально-общественных движений.

Положения, выносимые на защиту:

1) в течение XX – начале XXI столетий на территории Южной Сибири прослеживается государственный курс на форсирование темпов интеграции автохтонного населения в структуру модернизируемого общества;

2) интеграционная политика государства имела комплексный характер и включала мероприятия по административно-территориальному устройству «национальных окраин», изменению правового статуса коренного населения, системы управления и самоуправления, созданию альтернативных традиционным форм экономики и социальной инфраструктуры;

3) модернизация экономики в национальных районах Южной Сибири определялась апробацией различных моделей организации сельскохозяйственного производства (колхозы, совхозы, ТОО, ООО, КФХ). Этот курс проводился без учета традиционных форм хозяйствования коренных народов, индивидуального характера производственных отношений, экологического фактора для ряда регионов; региональной и этнической специфики, сложившейся в советский период (промышленная инфраструктура, наличие обширных земельных площадей, принадлежащих госфонду и гослесфонду и др.);

4) высокие темпы изменения социально-экономической структуры в советский период при нерешенности ряда социальных проблем способствовали росту этнического самосознания, формированию устремлений к национальному самоопределению в среде национальной интеллигенции и части автохтонного населения Южной Сибири;

5) проявление стремления к национальному самоопределению характерно для всех исследуемых районов Южной Сибири. Формы его проявления имеют региональные отличия, определяемые как уровнем интегрированности коренных народов, так и готовностью региональных органов власти учитывать этнические интересы при решении политических и социально-экономических проблем.

Новизна исследования определяется:

- проведением компаративного анализа политики российского государства в ряде национальных районов Южной Сибири в течение советского и постсоветского периода, на основе которого выявлена региональная специфика процессов интеграции населяющих эти районы этносов;
- выявлением на основе корпуса источников, впервые введенного в исторический оборот, механизмов социально-экономических преобразований и формирования наиболее острых этнодемографических и социальных проблем, стоящих в настоящее время перед государством и обществом;
- определением причин и форм проявления стремления к национальному самоопределению на отдельных этапах исторического развития коренного населения региона.

Практическая значимость основных результатов исследования состоит в их использовании автором в этнологических экспертизах, проводимых в 2003-2007 гг., проведении экспертных оценок программ национального развития коренных малочисленных народов Кемеровской области; составлении аналитических материалов по запросам органов региональной власти и национальных общественных объединений. Основные теоретические положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих работ и лекционных курсов, посвященных проблемам национальной политики, истории Сибири, этнической истории автохтонного населения Южной Сибири.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертационная работа состоит из Введения, 5 глав, Заключения, Списка использованных источников и литературы, табличного и иллюстративного материала, Списка респондентов, Списка сокращений, Глоссария.

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная значимость темы диссертации, определена новизна исследования, сформулированы цель и задачи исследования, его хронологические и территориальные рамки, методологическая основа.

Первая глава «Проблемы интеграции и национального самоопределения автохтонных народов Южной Сибири: историография и источники» состоит из двух разделов. В *первом разделе* дан анализ историографии и определена степень изученности темы.

В 1920-1930-е гг. на основе работ В. И. Ленина, И. В. Сталина, решений партийных съездов, конференций, разработок ведущих специалистов (экономистов, политологов, этнографов) разрабатывались методологические основы построения социалистического общества в целом в СССР, интеграции и адаптации автохтонных народов (в том числе и сибирского региона) к новой социальной системе. В этот период практически не было исследований, освещающих проблемы кооперации и коллективизации в национальных районах. В работах 1920-1930-х гг., посвященных проблемам развития кооперации, фиксировались сведения, полученные в ходе экспедиционных работ. К таким относятся, например, работы А. Янушевича, впервые опубликованные в конце 1920-х гг. и переизданные в 1990-е гг.¹

При исследовании проблем, связанных с административно-территориальным устройством национальных регионов в этот период основное внимание исследователей было обращено на разработку принципов административно-территориального устройства СССР, в том числе и территорий, на которых компактно проживали национальные меньшинства Севера, Сибири

¹ *Например:* Янушевич А. Обследование охотничьего промысла Горной Шории // Шорский сборник. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. – Вып. 1.

и Дальнего Востока². Однако в целом данная проблематика не была разработана для национальных районов Южной Сибири. В этой связи можно отметить лишь отдельные работы, посвященные проблеме административно-территориального устройства и автономизации алтайцев. Так, основное внимание исследователя Л. П. Мамета было уделено административно-территориальным изменениям, произошедшим в период между Февральской революцией 1917 г. и образованием Ойротской автономной области. Его работа впервые была издана в начале 1930-х гг. и переиздана в 1994 г.³

Значительное внимание вопросам кооперативного движения и коллективизации, национально-государственного строительства, перевода на «оседлость» (для ряда регионов), формирования советской системы управления, здравоохранения и образования советскими историками уделялось в 1940-1980-е гг. Эта деятельность трактовалась как «достижения в построении социалистического общества». В целом авторы не выходили за рамки заложенных в 1920-1930-е гг. методологических разработок.

Наиболее хорошо разработанной в советской историографии является проблематика, связанная с коллективизацией и развитием колхозной системы как в целом в Сибири, так и в национальных районах Южной Сибири⁴ и административно-территориальным устройством. Был выпущен и ряд монографических работ, рассматривавших социально-экономическое развитие сибирской деревни в целом в период «социалистической реконструкции» сельского хозяйства⁵. Следует отметить и такую работу, как «Экономические проблемы

² Виленский-Сибиряков В. Д. Задачи изучения малых народностей Севера // Этнография. – М.-Л., 1926. – № 1-2. – С. 55, 56.

³ Мамет Л. П. Ойротия. – Горно-Алтайск, 1994.

⁴ История Сибири. Сибирь в период строительства социализма. – Л.: Наука, 1968. – Т. 4; История крестьянства Сибири. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960-1980-е гг. – Новосибирск, 1991. – Т. 3.

⁵ *Например*: Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). – Новосибирск, 1987; Ильиных В. А. Соотношение форм классовой борьбы в сибирской деревне в условиях нэпа (1924-1927 гг.) // Актуальные проблемы истории Советской Сибири. – Новосибирск, 1990; Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). – Новосибирск, 1985; Колоткин М. Н. Деятельность национальных секций РКП(б) по развитию колхозно-кооперативного движения в национальной деревне Сибири (1920-1924 гг.) // Деятельность партийных организаций Сибири по социалистическому преобразованию и развитию деревни. – Новосибирск, 1982 и др.

Развития Сибири. Методологические проблемы развития и размещения производительных сил». В ней рассматриваются вопросы превращения Сибири в крупный индустриальный центр с развитием Кузнецкого каменноугольного бассейна, влияния индустрии на развитие сельского хозяйства в регионе, определения сельскохозяйственной специализации для каждого района Сибири⁶.

Появляются работы по проблемам коллективизации и развития колхозов и совхозов в Хакасии и Горном Алтае⁷. В то же время процесс коллективизации у шорцев и телеутов не получил своего освещения в советской историографии. Основное внимание уделялось изучению их этногенеза, социально-экономической истории на рубеже XIX-XX вв., норм обычного права⁸. Хотя в ряде своих работ Л. П. Потаповым и В. М. Кимеевым были рассмотрены отдельные сюжеты по истории национальных колхозов на территории Горной Шории, их хозяйственной специализации и «успехи», достигнутые в ходе колхозного строительства.

Ряд аспектов в региональной историографии были или не достаточно рассмотрены, или трактовались в соответствии с установками, доминировавшими

⁶ Экономические проблемы Развития Сибири. Методологические проблемы развития и размещения производительных сил. – Новосибирск, 1974.

⁷ *Например*: Очерки истории Хакасии советского периода. 1917-1961 годы – Абакан, 1963; Чеснокова А. Б. Коллективизация сельского хозяйства в Хакасии // 50 лет Хакасской автономной области. – Абакан, 1981; Пасынков Д. Б. Экономическое развитие сельского хозяйства Хакасии в период коллективизации // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. – Абакан, 2005. – Вып. 6; Ултургашев С. П. Великий Октябрь и социалистические преобразования в Хакасии // Вопросы социально-экономического развития Хакасии (история, экономика, культура, наука). – Абакан, 1968; Тюркские народы Сибири. – М., 2006; Эдоков И. П. Коллективизация в Горном Алтае. – Горно-Алтайск, 1987; История Горного Алтая. Часть 2. Горный Алтай в 1917-1940 гг. – Горно-Алтайск, 1995; Демидов В. А. Боевая молодость. – Горно-Алтайск, 1963. – С. 98; *Он же*. Переход алтайцев на оседлость. – Барнаул, 1968; Шекшеев А. П. Совхозное строительство в Хакасии в период первой пятилетки (1928-1932 гг.) // Из истории советской Хакасии. – Абакан, 1986; *Он же*. Совхозное строительство в Хакасии в период первой пятилетки (1928-1932 гг.) // Из истории советской Хакасии. – Абакан, 1986; *Он же*. О первых совхозах на юге Енисейской губернии // Вопросы истории Хакасии. – Абакан, 1977; Медведев И. Ф. Социально-экономическое развитие села национальных образований (1960-1985 гг.). – Томск, 1994 и др.

⁸ *Например*: Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. – М.;Л., 1936; *Он же*. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л., 1953; *Он же*. Народы Сибири. – М.;Л., 1956; Кимеев В. М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. – Кемерово, 1989; Батьянова Е. П. Община у телеутов в XIX – начале XX вв. // Материалы к серии «Народы и культуры». – Вып. XVII. Телеуты. – М., 1992; Riasanovsky, Valentin A. Customary law of Nomadic tribes of Siberia. Published by Indiana University, Bloomington Mouton & Co., The Netherlands 1965 p. 47-53 и др.

в советской историографии в целом. К таким относятся проблемы выбора сельскохозяйственных специализаций, перевода коренного населения на оседлость, внедрения земледелия в среде кочевого или полукочевого населения, вопросы, с анализом оплаты труда колхозников. Практически не уделено внимания проблемам, связанным с техническим обеспечением колхозов, работой МТС. Не выявлена специфика коллективизации и развития сельского хозяйства в условиях колхозной системы по сравнению с сопредельными регионами.

Проблемы кооперации были изучены значительно меньше, особенно в таких регионах, как Хакасия и Горная Шория в отличие от Горного Алтая. В этой связи следует отметить монографическое исследование Н. В. Екеева⁹. В целом его работа посвящена анализу социально-экономического развития региона в 1920-е гг. В монографии автор рассмотрел развитие масло-сыродельной и сельскохозяйственно-кредитной видов кооперации; отметил «успехи» потребительской кооперации и др.

Тесно связанными с кооперацией и коллективизацией являются проблемы переселения, землеустройства и перевода на оседлость коренных этносов Южной Сибири. Ряд проблем, связанных с землепользованием 1920-1930-х гг.: причины, вызвавшие переселение на территорию Сибири и Дальнего Востока в целом, вначале стихийное, а затем взятое государством под контроль, получили свое освещение в работах В. И. Рубинского, монографическом исследовании Н. И. Платунова¹⁰. Однако сюжеты, связанные с переселением и регулицией землепользования в этот же период в национальных районах Южной Сибири, изучены не в достаточной степени¹¹.

⁹ Екеев Н. В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах. – Горно-Алтайск, 1988.

¹⁰ Рубинский В. И. Переселение в Сибири и на Дальнем Востоке // Северная Азия. - 1928. - Кн. 2; Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917-июнь 1941 гг.). – Томск, 1976.

¹¹ *Например:* Северьянов М. Д. О сельскохозяйственном переселении в Хакасию в годы довоенных пятилеток // Проблемы истории Хакасии. – Абакан, 1979; Северьянов М. Д., Шекшеев А. П. Земельный вопрос в Хакасии и его регулирование советской властью (1917 – конец 20-х годов) // Из истории Советской Хакасии. – Абакан, 1986; Рубинский В. И. Переселение в Сибири...; Белозерова М. В. Шорцы: жизнь и реформы (20-е – 60-е гг. XX в.). Опыт интеграции в социалистическое общество. – Кемерово, 2004; *Она же.* Экономические аспекты деятельности Томской колонизационно-переселенческой партии (1920-1930-е гг.) // Экономическая история Сибири XX века. – Барнаул, 2006 и др.

Широк круг работ, посвященных анализу процессов перевода народов, находящихся на стадии феодально-родовых отношений и ведущих экстенсивные формы хозяйства (охота, собирательство, кочевое и полукочевое скотоводство), на оседлость¹². Данный курс являлся одним из основных направлений советской национальной политики. При рассмотрении этого процесса в Горном Алтае И. П. Эдоковым были обозначены причины перевода алтайского населения на оседлость: их исследователь связывает с началом массовой коллективизации; описаны трудности и сам процесс¹³. Для районов Хакасии и Горной Шории данная проблема практически не освещалась в историографии.

В 1950-1980-е гг. появились работы, обобщавшие опыт административно-территориального устройства СССР в целом¹⁴, и конкретизировавшие этот процесс на региональном уровне. Однако отдельных исследований не проводилось. Как правило, эти вопросы рассматривались во взаимосвязи с другими проблемами¹⁵. По-прежнему основное внимание в исследованиях было уделено административно-территориальным изменениям, произошедшим в период между Февральской революцией 1917 г. и образованием Ойротской автономной области. Не получили своего освещения и проблемы, связанные с организацией Горно-Шорского национального района¹⁶. В определенной степени в советской историографии были рассмотрены вопросы административно-территориального устройства Хакасии: освещена роль инородческих съездов в этом процессе; причины выделения территории, на которой компактно проживали хакасы в «особый» инородческий район: проблемы внутреннего районирования¹⁷.

¹² Потапов Л. П. Народы Сибири...; Чеснокова А. Б. Коллективизация сельского хозяйства...; Эдоков И. П. Коллективизация в Горном Алтае...; История Горного Алтая... - Ч. 2...; Екеев Н. В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая...

¹³ Эдоков И. П. Коллективизация в Горном Алтае... - С. 53, 54, 114.

¹⁴ Златопольский Д. Л. Государственное устройство СССР. – М., 1960; Фарберов Н. П. От ленинских декретов к Конституции общенародного государства. – М., 1978 и др.

¹⁵ Например: Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев...; История Сибири... – Т. 4; История Кузбасса. История Кузбасса в период строительства социализма и коммунизма. – Кемерово, 1970. – Ч. 3; Очерки по истории Хакасии...; История Горного Алтая... - Ч. 2; Эдоков И. П. Коллективизация в Горном Алтае... и др.

¹⁶ Кимеев В. М. Шорцы. Кто они ?...

¹⁷ Очерки по истории Хакасии...; Артеменко А. Л. Осуществление национальной политики в Хакасии в 1921-1925 годы // Вопросы социально-экономического развития Хакасии (исто-

В конце 1980-х – начале 2000-х гг. исследование обозначенных проблем возобновилось. Произошла переоценка процессов, характерных для национальных районов (в том числе Южной Сибири). В историографии определился круг проблем, не получивших должного освещения. Предметом исследований в этот период стали вопросы, связанные с изменениями в социально-экономической и этнодемографической ситуации национальных районов по состоянию на 1930-е – начало 2000-х гг., с переходом к рыночным отношениям в 1990-е гг.; с развитием хозяйственной и социальной инфраструктур, с накопленным государственным опытом решения ряда социальных проблем.

В этот период возобновляется исследование проблем, связанных с кооперацией и коллективизацией сельского хозяйства. В отдельных работах авторы отходят от идеологических подходов советской историографии и по-новому рассматривают эти процессы¹⁸.

На региональном уровне впервые поставлен вопрос и дана критика развития производящих отраслей хозяйства при коллективизации кочевых и полукочевых хозяйств в национальных районах и его результатах и т.д.¹⁹ Рассмотрено развитие хозяйственной специализации в колхозах Горной Шории, проблемы социального расслоения, причины реорганизации и ликвидации колхозов²⁰. В работах хакасских исследователей (А. П. Шекшеева, В. К. Шулбаева, А. Б. Пасынкова) рассмотрены вопросы истории коллективизации, создания

рия, экономика, культура, наука). – Абакан, 1968; Асочаков В. А. К 50-летию образования Хакасского уезда // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1974. – Вып. XIX. Серия историческая. – № 5 и др.

¹⁸ Файн Л. Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е годы) // Вопросы истории. – 1994. – № 9; Ильиных В. А. Соотношение форм классовой борьбы...; Гущин Н. Я. Коллективизация сельского хозяйства Сибири (дискуссионные проблемы и уроки) // Актуальные проблемы истории Советской Сибири. – Новосибирск, 1990; Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне... и др.

¹⁹ Бычков О. В. Охотничий промысел шорцев – неотъемлемая часть традиционного продовольственного комплекса / О. В. Бычков // Шорский сборник. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. – Вып. 1; Садовой А. Н. Народы Южной Сибири в XIX-XX вв. Этносоциальные аспекты патернализма / Автореферат... докт. истор. наук. – Санкт-Петербург, 2000 и др.

²⁰ Белозерова М. В. Шорцы: жизнь и реформы...

отдельных колхозов и совхозов, решения кадровой проблемы²¹. Проблемам перевода традиционной системы хозяйства на социалистическую модель (колхозы и совхозы) в Горном Алтае было также в достаточной степени уделено внимания²². Например, И. П. Эдоковым подробно рассмотрены вопросы подготовки к коллективизации, освещалась роль партии в этом процессе, вскрыты ошибки и искривления, проявившиеся в ходе коллективизации, отражены положительные стороны коллективизации и другие вопросы.

Однако ряд аспектов в региональной историографии были или не достаточно рассмотрены, или по-прежнему трактовались в соответствии с установками, доминировавшими в советской историографии в целом. К таким относятся проблемы выбора сельскохозяйственных специализаций, перевода коренного населения на оседлость, внедрения земледелия и др.

В конце 1980-х – начале 2000-х гг. в связи с активизацией процессов административно-территориального переустройства, особенно в «национальных» районах, интерес исследователей к данной проблематике вновь усилился. Появился целый ряд работ, в которых анализировались принципы районирования в СССР, процесс административно-территориального устройства, в том числе и выделения автономий для народов, компактно проживающих на определенной территории и т.п.²³, хотя отдельных исследований не проводилось²⁴. Некоторые проблемы административно-территориального устройства Горного

²¹ Шекшеев А. П. Осуществление аграрной политики КПСС в Хакасии (60-70-е гг.) // Великий Октябрь и социалистическое строительство в Хакасии. – Абакан, 1988; *Он же*. К вопросу о селении «неперспективных» деревень в Хакасии // Проблемы сохранения природы и культурно-исторического наследия Хакасии. – Абакан, 1994. – Вып. 1; Шульбаев В. К. Хакасия в 90-е годы XX века: проблемы социально-экономического развития. – Абакан, 2004; Пасынков Д. Б. Экономическое развитие сельского хозяйства Хакасии в период коллективизации // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. – Абакан, 2005. – Вып. 6; Медведев И. Ф. Социально-экономическое развитие села национальных образований ... и др.

²² *Например*: Эдоков И. П. Коллективизация в Горном Алтае...; История Горного Алтая... - Ч 2; Демидов В. А. Боевая молодость... – С. 98; *Он же*. Переход алтайцев на оседлость...

²³ *Например*: Попков Ю. В., Бойко В. А. Политико-правовой статус коренных народов Севера. На пути в мировую цивилизацию. – Новосибирск, 1997; Чеботарева В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917-1924 гг. - М., 2003 и др.

²⁴ *Например*: История Сибири... – Т. 4; История Кузбасса... - Ч. 3; Очерки по истории Хакасии...; История Горного Алтая... - Ч. 2. Эдоков И. П. Коллективизация в Горном Алтае... и др.

Алтая в своих работах рассматривали В. А. Демидов, В. Г. Чеботарева²⁵. В целом же проблема создания Ойротской автономной области в их исследованиях вновь не получила достаточного освещения. В этот период началось наиболее активное исследование вопросов, связанных с административно-территориальным устройством Горной Шории²⁶.

В 1980-е – начале 2000-х гг. появились исследования, в том числе и монографические, охватывающие как весь комплекс этнических и социально-экономических проблем, так и исследования отдельных сюжетов 1920-х – начала 2000-х гг.: территориальной, экономической и социальной структур, а также этнической истории отдельных этнических групп. Здесь можно отметить работы Г. М. Патрушевой, А. Н. Садового, А. Г. Селезнева²⁷, Е. А. Бельгибаева²⁸, В. К. Шулбаева²⁹ и других исследователей, ряд коллективных монографий³⁰.

В целом, оценивая историографию проблемы, можно отметить, что кроме рассмотренных выше, существует еще ряд проблем, практически не исследованных в историографии в полной мере. Для советского периода это анализ формирования советской системы управления и самоуправления, правового статуса автохтонных народов Южной Сибири, ряда проблем, относящихся к кооперации и коллективизации, переселению 1920-1930-х гг., регуляции зе-

²⁵ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев...; История Горного Алтая... - Ч. 2; Демидов В. А. От Каракорума к автономии. – Новосибирск, 1996; Чеботарева В. Г. Наркомнац РСФСР...

²⁶ Белозерова М. В. Шорцы: жизнь и реформы...; Борина Л. С. Формирование этнического самосознания шорцев (вторая половина XIX – XX вв.) / Автореферат... канд. истор. наук. – Томск, 2003 и др.

²⁷ Селезнев А. Г. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). – Омск, 2006.

²⁸ Бельгибаев Е. А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX – XX в.). – Барнаул, 2004.

²⁹ Шулбаев В. К. Хакасия в 90-е годы XX века: проблемы социально-экономического развития. – Абакан, 2004.

³⁰ Шорский национальный природный парк...; Этнологическая экспертиза: оценка воздействия ООО «МетАл, ОАО «ММК» - «Магнитогорский металлургический комбинат» и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области. – Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2005. – Вып. 1; Тюркские народы Сибири...; Постсоветская Хакасия: трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации. Этносоциологические очерки. – М., 2005 и др.

мельных отношений и перевода на оседлость автохтонных народов Южной Сибири, к развитию хозяйственной и социальной инфраструктур, административно-территориальному устройству национальных районов Южной Сибири и формированию сепаратистских тенденций. Для периода конца 1980-х – начала 2000-х гг.: вопросы, связанные с изменением общественно-политической и экономической обстановки в стране, с формированием национальных общественно-политических движений, национального самоуправления, с переходом к рыночной экономике, с интеграцией автохтонных народов в рыночные отношения. Требуют более детального изучения вопросы, касающиеся анализа социальных последствий интеграции как в социалистическое общество, так и в период 1990-х – начала 2000-х гг. и др. Хотя некоторые из перечисленных проблем затрагивались рядом исследователей, однако отдельных разработок не проводилось³¹. Интерес в основном концентрировался на изучении вопросов, связанных с демографическими изменениями³², процессами формирования системы образования, здравоохранения в национальных районах и национальной интеллигенции³³. В то же время не были выявлены общие тенденции

³¹ Очерки истории Хакасии...; Асочаков В. А. К 50-летию образования Хакасского уезда...; Эдоков И. П. Коллективизация в Горном Алтае...; Тугужекова В. Н., Карачакова О. М. Межнациональные отношения в Хакасии в конце XX века. – Абакан, 2005; Карачакова О. М. О значении первых съездов хакасского народа (1990-1992 гг.) // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая. – Абакан, 2003. – Вып. 4; Белозёрова М. В. К проблеме моделирования «национального» самоуправления у коренных малочисленных народов Южной Сибири // Вестник Томского государственного университета. – Томск. – Январь, 2007. – № 294.

³² Кышпанакон В. А. Население и трудовые ресурсы Хакасии. – Абакан, 1989; *Он же*. Население Хакасии: 1917-1990-е гг. – Абакан, 1995; Потапов Л. П. Народы Сибири...; *Он же*. Шорцы на пути к социализму...; Патрушева Г. М. Шорцы сегодня. Современные этнические процессы. – Новосибирск, 1996; Белозёрова М. В. Шорцы: жизнь и реформы...; Гордиенко П. Ойротия...; Екеев Н. В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая... - 1988; Екеева Н. М. Горный Алтай в 1921-1929 гг. // История Горного Алтая... - Ч. 2.

³³ Карачакова О. М. К вопросу формирования национальных кадров в Хакасии в 1920-1930-е годы // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. – Абакан, 2004. – Вып. 5; Данькина Н. А. Интеллигенция Хакасии в конце XIX – 30-е годы XX века. – Абакан, 2004; Музьяев В. Ф. Развитие здравоохранения в Хакасии // 50 лет Хакасской автономной области. – Абакан, 1981; Кандаракова Е. П. О сохранении языков и культуры малочисленных народов северного Алтая // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2005; История Горного Алтая... - Ч. 2; Аравийский А. Н. Шория и шорцы // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927; Белозёрова М. В. Опыт создания системы образования у коренных малочисленных народов Южной Сибири (20-е г XX в. – XXI в.) // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2005 и др.

развития систем образования и здравоохранения, характерные в целом для народов Южной Сибири: проблеме билингвизма в школьном образовании; последствиям, связанным с реорганизацией колхозной системы и укрупнением населенных пунктов. Так же в историографии не отражен ряд социальных проблем, которые формировались в основном в среде сельского населения и носили латентный характер. К таким, например, относится проблема сохранения рода и внутриэтнической эндогамии у ряда коренных народов.

Фронтальное исследование историографических данных и введение в научный оборот нового корпуса источников, позволило поставить вопросы, не получившие ранее своего отражения в научных исследованиях, очертить районы исследования, углубить анализ поставленных проблем.

Во *втором разделе* рассмотрена источниковая база исследования. Ее составили неопубликованные и опубликованные документы. В целом, в работе были использованы документы 33 фондов 9 государственных, а также материалы, отложившиеся в 6 ведомственных архивных хранилищах, и материалы, находящиеся в личных архивах исследователей, данные Интернет-ресурс. Использованные источники можно разделить на *семь групп*. Расположение групп источников соответствует рассматриваемой проблематике в данной диссертационной работе.

К *первой группе* источников нами была отнесена *нормативно-правовая документация* международного, союзного и федерального, регионального уровней. Это законодательные акты Российской Империи, декреты и декларации Совнаркома, постановления Совета Министров СССР и ЦК РКП(б), ВКП(б), КПСС, указы, постановления, законы, кодексы и др., относящиеся к 1990-началу 2000-х гг.; региональные нормативно-правовые документы – постановления и проекты постановлений Новосибирского крайкома, Ойротского и Хакасского обкомов, Таштагольского райкома ВКП(б), Кемеровского обкома КПСС и Кемеровского облисполкома, Республик Хакасия и Горный Алтай, определявшие социально-экономическое развитие регионов. Использование такого типа источников, как международные нормативно-правовые документы, позволило провести более глубокий анализ особенностей формирования

общественно-национального движения коренных народов Южной Сибири в 1980-е – начале 2000-х гг.

Ко второй группе отнесены программные, уставные и директивные документы политических партий и общественных организаций. Это решения и постановления партийных съездов и конференций, как центрального, так и регионального уровней, резолюции съездов общественных организаций (например, Резолюция I съезда хакасского народа «О современных проблемах хакасского народа и о путях их решения» (1990 г.); Резолюция I съезда шорского народа «О восстановлении национальной государственности» (1989 г.); Декларация о правах коренных народов Южной Сибири; Декларация «О праве телеутского народа на самоопределение» и др.).

Положения, уставы, декларации были характерны и для советского, и постсоветского периодов. В них определялась структура, функции, цели и задачи какого-либо государственного института власти или общественной организации. Нами использовался «Устав товарищества по животноводству» (1930 г.), принятый в Ойротской автономной области. Он определял структуру и функции ТОЖев, которые являлись основной формой при коллективизации в «скотоводческих районах» Хакасии и Горного Алтая. Уставы общественных организаций характерны для 1980-1990-х гг. (например, Устав Ассоциации хакасского народа «Тун» (зарегистрирован в 1992 г.), «Устав Ассоциации коренных народов Южной Сибири»), органов самоуправления (проект «Устава телеутского национального округа», «Устав Бековского национального сельсовета»). В исследовании нами проводился анализ проекта Положения «Об уполномоченных Наркомнаца при автономных республиках и областях» (1921 г.), которые должны были стать связующим звеном между властью и национальными меньшинствами; «Положения о национальном бюро Колхозцентра СССР» (1930 г.), основной задачей которого было содействие развитию колхозного строительства в национальных республиках и областях и среди национальных меньшинств отдельных районов СССР. При исследовании структуры и функций администраций сельских советов в 1990-е гг. нами использовались, например, «Положение об администрации Бековской сельской терри-

тории» и «Регламент администрации Бековской сельской территории»», Уложение о Курултае алтайского народа» и др. Для выявления целей, задач, требований коренных народов в 1980-1990-е гг. нами использовались такие документы, как «Декларация о правах коренных народов Южной Сибири», Декларация «О провозглашении образования автономии шорского народа», Декларация «О праве телеутского народа на самоопределение» и др.

К *третьей группе* отнесены *делопроизводственные документы*. Это распорядительная, организационно-распорядительная, плановая, отчетная документация, текущая переписка как органов власти, так и общественных организаций, материалы социально-экономического обследования регионов.

К *четвертой группе* отнесены *статистические источники*. Данные Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1959, 1979, 1989, 2002 годов, Карточки Всесоюзной переписи населения – «Карточка населенного пункта в сельской местности», Сводные ведомости Всесоюзной переписи населения, Единовременные отчеты о возрастном и половом составе населения и др. дают возможность определить демографическую ситуацию в исследуемом регионе, национальный состав населения, проследить миграционные процессы среди населения и т. д. Сведения о количестве хозяйств, их экономической мощности по каждому населенному пункту, сельсовету, району представлены в «Поселенных похозяйственных списках» и «Сводных поселенных списках».

При рассмотрении вопросов, связанных с системой школьного образования нами были использованы «Всесоюзные школьные переписи за 1927 г.», «Годовые статистические отчеты о количестве учащихся» и «Сведения о численности детских садов, школ». При исследовании формирования и развития системы здравоохранения в национальных районах Южной Сибири использовались «Отчеты о деятельности окружных, областных, районных здравотделов».

Ряд статистических и аналитических данных содержится в опубликованных справочных («*Год работы Правительства РСФСР. Материалы к отчету Правительства за 1927-1928 гг.*», «*Отчет Енисейского Губернского Союза Кооператоров за 1922/1923 операционный год*», «*Народы Кузбасса за 30 лет*

(этнодемографический справочник)»³⁴). Аналитические материалы, составленные Е. П. Батьяновой по этнополитической ситуации в Кемеровской области в конце 1980-х – начале 1990-х гг.³⁵ отражают национальный состав Кемеровской области, языковую, экологическую, криминогенную, конфессиональную ситуацию в регионе, фиксируют организационное объединение телеутов и шорцев в национально-общественные организации – Ассоциации, содержат некоторые документы, принятые ими на съездах.

К пятой группе относятся источники личного происхождения. В данной работе мы использовали воспоминания П. Я. Гордиенко «Ойротия»³⁶, материалы из личного архива Н. П. Дыренковой³⁷, полевых дневников М. В. Белозёровой³⁸ и А.Н. Садового³⁹, проводивших экспедиционные работы в местах компактного проживания бачатских телеутов (2006 г.) и в Онгудайском районе Республики Алтай (2007г.).

К шестой группе были отнесены материалы периодической печати - материалы центральных и региональных газет и журналов⁴⁰, в которых публиковались программные документы КПСС, нормативно-правовые документы, публицистические материалы по истории коллективизации и развитию колхозов, демографической ситуации в том или ином регионе, публицистические статьи исследователей, касавшихся проблем какого-либо этноса.

К седьмой группе отнесены результаты социологических опросов. Проблематика первой анкеты «Содействие сохранению родной земли проживания телеутов» определялась общей тенденцией, характерной для XX в., – сокращением этнической территории коренного малочисленного этноса, проблемами

³⁴ Год работы Правительства РСФСР. Материалы к отчету Правительства за 1927-1928 г. – М., 1929; Отчет Енисейского Губернского Союза Кооператоров за 1922/1923 операционный год. – Красноярск, 1924; Народы Кузбасса за 30 лет (этнодемографический справочник). – Кемерово, 1994.

³⁵ Батьянова Е. П. К этнополитической ситуации в Кемеровской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Межнациональные отношения в современном мире. – М., 1993. – Серия «А». – Документ № 39.

³⁶ Гордиенко П. Ойротия...

³⁷ Архив МАЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН. – Ф. 3 – Оп. 1.

³⁸ Личный архив М. В. Белозёровой.

³⁹ Архив ЛЭЭГ ИУУ СО РАН-КемГУ.

⁴⁰ Например: центральные органы печати - «Правда», «Комсомольская правда»; региональные органы печати «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», «Явь», «Звезда Алтая» и др.

ухудшения качества сельскохозяйственных угодий. Вторая анкета «Система управления и самоуправления в местах компактного проживания коренных малочисленных народов» была призвана отразить мнение коренных народов на проблему местного и национального самоуправления, его эффективности.

При анализе формирования национально-общественного движения, национальных ассоциаций, их программ и деятельности во второй половине 1980-х – 1990-е гг. использовались материалы, отложившиеся в Центральном Государственном архиве Республики Хакасия, в текущих архивах органов власти различного уровня Кемеровской области⁴¹, в текущих архивах – общественной организации Ассоциации телеутского народа «Эне-Байат»⁴² и Лаборатории этносоциальной и этнологической геоинформатики Института угля и углехимии СО РАН-Кемеровского госуниверситета (Архив ЛЭЭГ ИУУ СО РАН-КемГУ)⁴³. Сведения, отложившиеся в архиве Ассоциации телеутского народа «Эне-Байат» и архиве ЛЭЭГ ИУУ СО РАН-КемГУ практически в полном объеме введены в исторический оборот впервые.

Отдельную группу представляют материалы *научно-исследовательских отчетов*, отложившихся в ведомственных архивах – ЛЭЭГ ИУУ СО РАН-КемГУ и ГУ НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН. Некоторые сведения были введены в научный оборот ранее, часть данных была введена в исторический оборот впервые. Отчеты использовались при исследовании социальных последствий интеграции автохтонных этносов в социалистическое общество.

В исследовании были использованы также данные *Интернет-ресурс*: нормативные акты государственного права (Конституции Республик Хакасия и Алтай) по вопросам государственного устройства, определения правового статуса коренных народов, формированию системы управления и самоуправления регионов; данные социально-экономического развития территорий офи-

⁴¹Текущий архив департамента культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области; Текущий архив Администрации МО «Таштагольский район»; Текущий архив администрации Бековского сельсовета Беловского района Кемеровской области.

⁴² Текущий архив Ассоциации телеутского народа «Эне-Байат».

⁴³ Архив Лаборатории этносоциальной и этнологической геоинформатики Института угля и углехимии СО РАН-Кемеровского госуниверситета (Архив ЛЭЭГ ИУУ СО РАН-КемГУ).

циальных сайтов правительств Республики Хакасия, Республики Алтай, администрации МО «Таштагольский район» Кемеровской области (демографические данные, сведения по развитию сельского хозяйства, статистические сведения о количестве крестьянско-фермерских и других видов хозяйств).

Степень сохранности и полнота содержащихся в документах сведений далеко не равноценны. Использование всех источников дало возможность с достаточной полнотой раскрыть основные вопросы, поставленные в исследовании. Введение в научный оборот нового корпуса источников, в том числе архивных документов, сведений, полученных в ходе экспедиционных работ и зафиксированных в полевых дневниках, анализ нормативно-правовых документов и данных анкетирования позволили изучить вопросы, не получившие ранее своего отражения в научных исследованиях.

Вторая глава «Социально-экономическое развитие национальных районов Южной Сибири в первой трети XX в.» состоит из трех разделов. В первом разделе на основании историографических данных и введения в научный оборот новых документов обосновывается тезис, что образование Ойротской автономной области, Хакасского уезда (позднее Хакасского округа, Хакасской автономной области), Горно-Шорского национального района стало результатом этнического самоопределения, характерного и для других этносов. В Горном Алтае и Хакасии эти политические установки были сформированы в среде национальной интеллигенции и части населения еще до Октябрьской социалистической революции 1917 г. на основе идей областников о возможности национального самоопределения и автономизации национальных меньшинств Сибири, после революции поддержанных большевиками. Горно-Шорский национальный район также был образован по инициативе и под давлением национальных меньшинств – шорцев. Однако в отличие от сопредельных регионов основной мотивацией для его создания стало нежелание шорцев жить совместно с русским населением и подчиняться решениям сельских советов, основную часть работников которых составляли также русские. В отношении бачатских телеутов проводилась линия на интеграцию в административно-территориальную структуру без учета этнической составляющей. Места их

компактного проживания подвергались районированию с учетом лишь экономической целесообразности.

Административно-территориальное устройство проходило в условиях изменения количественного и национального состава населения, уменьшения доли коренного населения среди других национальностей. Это было связано с такими факторами, как массовые миграции населения из других регионов страны, а также с начинавшейся индустриализацией и промышленным освоением ряда сибирских регионов во второй половине 1920-х гг. Последний фактор был особенно значим для шорцев, телеутов и хакасов. При анализе демографических изменений были использованы статистические данные.

Во *втором разделе* рассматривается правовой статус автохтонного населения Южной Сибири и проблемы землепользования, традиционные формы экономики. Правовой статус автохтонных народов Южной Сибири определялся правовым статусом гражданина СССР и охватывал те права и обязанности, которые были присущи всем гражданам страны, независимо от социальной и национальной принадлежности. В 1920-1930-е гг. государством проводился курс на унификацию правового статуса коренного населения, в том числе алтайцев, хакасов, шорцев, телеутов. За ними не было признано особого статуса «народов Севера» в соответствии со спецификой их традиционной системы природопользования и традиционными занятиями. В то же время через созданную иерархически соподчиненную систему (создание губернских и уездных отделов национальных меньшинств, институтов Полномочных представительств, уполномоченных по делам национальных меньшинств), объединявшую союзные, республиканские и региональные органы власти, реализовывался курс на построение социалистического общества и интеграцию коренных народов с декларацией принципа защиты их прав и интересов. Однако в силу отдаленности и труднодоступности мест проживания коренных народов Южной Сибири от губернских (областных) и уездных (районных) центров, отсутствия налаженной связи и недостаточности сведений деятельность этих институтов была в значительной степени затруднена.

При анализе проблем, связанных с определением правового статуса автохтонного населения Южной Сибири в послереволюционное время, особое

внимание было уделено *обусловленности сложившейся практики традиционного землепользования* с сохранением права частной собственности на землю и традиционных форм экономики, наличием патриархальных и феодальных форм общественных отношений. Это связано с тем, что до Октябрьской революции 1917 г. основным фактором предоставления *особого правового статуса* был *экономический*. В соответствии с этим основные права относились к гарантии со стороны российского государства сохранения традиционного землепользования, что обуславливало закрепление пастбищных и охотничьих участков за национальными меньшинствами. Максимальный выигрыш при этом получали имущие слои населения, крупные и средние собственники стад, табунов, отар. После победы социалистической революции большевиками был декларирован и зафиксирован в первых документах советской власти – «Декрете о земле», «Законе о социализации» и др. «новый» курс. Согласно ему отменялось право частной собственности на землю, устанавливалось уравнительное землепользование, и, как следствие, определялось проведение «межселенного», «внутриселенного», (вариант «внутриулусного») межевания в пользу беднейших слоев населения, вне зависимости от этнической принадлежности. Перед государственными органами стояла задача проведения землеустройства, обусловленного также его незавершенностью в дореволюционный период и миграционными процессами 1920-1930-х гг. Основной целью его в этот период была ликвидация института частной собственности. В этот период государственные органы стояли перед задачей поиска экономически оптимальных форм социальной организации населения.

Третий раздел знакомит с процессом формирования советской системы управления и самоуправления. Интеграция в сфере управления выразилась в создании унифицированной системы в форме советов (сельские и поселковые), идентичной системе, вводимой в СССР в целом. У алтайцев, хакасов, шорцев и телеутов не вводились «переходные» формы (родовые, кочевые, «туземные») управления и самоуправления с сохранением этнической специфики, как это прослеживалось у «народов Севера». «Формирование» национальных сельских советов в Горном Алтае, Хакасии, Горной Шории и в местах компактного проживания бачатских телеутов носило в большей степени деклара-

тивный характер, т.к. вопроса об определении их правового статуса не ставилось, и сельсоветы не являлись формами этнического самоуправления. Унифицированная система управления должна была взять на себя функции реализации стратегии индустриализации, коллективизации и «культурной революции». Основной целью являлось ускорение процессов построения социалистической модели общественного развития в среде этносов, находящихся, по мнению центрального и регионального руководства, на «низкой» стадии развития по сравнению с другим населением. Применяв методологический прием по классификации системы управления и самоуправления, предложенный Ю.В. Попковым и В.А. Бойко для российской и советской истории, мы проследили, что если в дореволюционный период система управления и самоуправления у сибирских инородцев соответствовала этнополитической модели, то при советской системе – территориальной модели, имевшей универсальный характер.

Одним из методов была «коренизация», которая являлась составным и необходимым элементом интеграции автохтонных этносов в структуру модернизируемого общества. Она проводилась не только в среде советского, но и партийного и хозяйственного аппарата. И, в сущности, стала средством формирования национальной интеллигенции и управленческого звена на региональном уровне. Региональная специфика проявилась в сроках, темпе и результатах. Наиболее эффективно этот процесс проходил в Ойротской автономной области, в отличие от Хакасии и Горной Шории. В отношении бачатских телеутов коренизация не проводилась.

Третья глава «Создание коллективных форм ведения хозяйства у коренных народов Южной Сибири и их развитие» включает два раздела. В первом разделе рассматриваются модели кооперации и коллективизация, механизмы их внедрения и апробации в конце 1920-х – 1930-е гг. в Горном Алтае, Хакасии, Горной Шории и в местах компактного проживания бачатских телеутов. Были выявлены основные тенденции, характерные для всех регионов: апробация всех видов кооперации (потребительской, кредитной, промышленной, сельскохозяйственной), развертывание кредитной и потребительской кооперации в наиболее крупных населенных пунктах, отказ от специализиро-

ванных форм кооперации и ориентация на интегральные формы кооперации в отдельных промысловых районах (Горной Шории и Ойротии). Однако интегральная кооперация в ряде регионов не получила своего развития. Так, развертывание интегральной кооперации в Горно-Шорском национальном районе на базе охоткооперации относилось к 1930-м гг., периоду, когда началась коллективизация. Поэтому перед ней были поставлены задачи переориентации хозяйственного комплекса с промыслового на сельскохозяйственное, создания и развития новых отраслей (животноводства и полеводства) и коллективизации сельского хозяйства. В Горном Алтае в начале 1920-х гг. был создан «Ойрот-Интеграл», объединивший практически все виды производственной кооперации: охотничье-промысловые и кустарные артели, сельскохозяйственные товарищества и коммуны. Но уже к середине 1920-х гг. он был ликвидирован. Его первичная сеть была включена в сферу сельхозкооперации и организационно объединена в систему Сибирского сельскохозяйственного Союза (Сибсельхозсоюза, г. Новониколаевск). В конце 1920-х гг. интегральная кооперация организовывалась на базе сельхозкооперации.

В соответствии с партийными установками путем внедрения всех видов кооперации в среде автохтонных этносов решались задачи советской власти: 1) на максимальное кооперирование населения и 2) его подготовки к коллективизации. Реализация первой задачи сопровождалась как положительными, так и негативными явлениями. С одной стороны, система кооперативных организаций была развернута. С другой, кооперирование в среде коренных народов осуществлялось со значительным отставанием по сравнению с русским населением, и в целом с общесибирскими темпами кооперации. Причины сложившейся ситуации были типичны для Хакасии, Горного Алтая и Горной Шории. Это дисперсная система расселения, отсутствие квалифицированных кадров кооперативных работников, в том числе и из коренного населения, и др. Наибольший успех можно отметить в развертывании ее производственных (сельскохозяйственной для Хакасии и Горного Алтая, бачатских телеутов; охотничье-промысловой для Горной Шории) и интегрального (Горная Шория и Горный Алтай) типов. Региональная специфика проявилась при внедрении производственных форм кооперации, а также в негативных причинах, отра-

жившихся на ее развитии (для Горного Алтая и Хакасии – это экономическая несамостоятельность, для Горной Шории – стремление к разграничению функций каждого типа кооперации, к определению ее функций как средства вытеснения частного капитала из розничной торговли и др.). В то же время, несмотря на то, что опыт был не всегда удачен, внедрение кооперации способствовало осуществлению второй задачи. Она явилась подготовительным этапом для коллективизации алтайцев, хакасов, шорцев и телеутов, и этим был сделан первый шаг к организации колхозов. Организационные формы кооперации приучали национальные меньшинства к работе в коллективе и преимуществам, которые могут дать кооперативные формы их организации. Посредством введения кооперации государство получало также возможность осуществлять контроль и управление над дисперсно-распыленным автохтонным населением.

Коллективизация проходила по общему плану коллективизации сельского хозяйства в стране с внедрением и попытками развития основных сельскохозяйственных специализаций – полеводства и животноводства, ориентированных на снабжение населения продуктами питания и промышленности сырьем, и «вытеснением» традиционных отраслей хозяйства коренных этносов Южной Сибири – охоты, промыслов, пчеловодства. Исключением стало животноводство и только в районах Горного Алтая и Хакасии. Коллективизация сопровождалась широкомасштабным переводом на оседлость кочевников и «бродячих инородцев» - алтайцев, хакасов, шорцев. Региональная специфика заключалась в организации форм колхозов на начальном этапе. Так, у шорцев и бачатских телеутов колхозы создавались преимущественно в форме сельхозартели. У хакасов и, главным образом, у алтайцев, занимавшихся скотоводством, первоначально основной формой колхоза были признаны ТОЖи с последующим переходом их на устав сельскохозяйственной артели, хотя данные установки в Хакасии были выполнены не в полной мере. В этом регионе предпочтение отдавалось организации колхозов в форме сельхозартелей. В среде коренных жителей Горной Шории и Хакасии темпы коллективизация отставали от темпов, свойственных русскому населению. В достаточной степени высокие темпы

среди алтайцев объяснялись проведением комплексных мероприятий по коллективизации и переводу на оседлость кочевого и полукочевого населения.

Коллективизация, как и по всей стране, сопровождалась ликвидацией кулачества. Во всех регионах – Горной Шории, Хакасии и Горном Алтае, она имела два этапа (конец 1920-х и начало 1930-х гг.). При этом на втором этапе она проводилась более жесткими мерами. Перегибы коснулись, главным образом, середняцких хозяйств. Определенную специфику можно отметить для Горной Шории, как при выделении критериев кулацких хозяйств, так и в том, что под данную категорию попадали, как правило, середняцкие хозяйства.

Во *втором разделе* на основе архивных документов и историографических данных анализируются основные тенденции развития колхозов Горной Шории (Таштагольский, Мысковский и Кузедеевский районы), бачатских телеутов, Ойротской автономной области (Горно-Алтайской АО), Хакасского округа (Хакасской АО). При коллективизации и выборе сельскохозяйственных специализаций в этих регионах, как правило, не учитывались ни традиционные формы хозяйства, ни природно-климатические условия районов, что порождало однотипные проблемы, и в животноводстве, и особенно в полеводстве. К таким относились низкая техническая обеспеченность, невозможность применения техники из-за ландшафтных условий, широкое использование ручного труда. Определенное влияние на это оказывала дисперсная система расселения, характерная для всех рассматриваемых нами районов, за исключением телеутов. С системой расселения связано создание мелких, соответственно и экономически слабых колхозов. Отсюда – низкая производительность сельскохозяйственного производства, низкая оплата труда колхозников и ориентация населения на промыслы и личные подсобные хозяйства, как средство для пополнения бюджетов семей. То есть не учитывался индивидуальный характер производственных отношений при введении коллективных форм ведения хозяйства. Данные обстоятельства приводили к дефициту трудовых ресурсов в колхозах и нерешенности кадровой проблемы. Все эти факторы обуславливали невыполнение производственных планов и нерентабельность сельского хозяйства. В результате к началу 1950-х гг. предложенная модель организации хозяйств (колхозы) и сельскохозяйственного производства требовала реорга-

низации как в целом по стране, так и в рассматриваемых нами регионах Южной Сибири.

Однако попытки реорганизации, выразившиеся в укрупнении колхозов, не дали ощутимых результатов, а лишь усугубили уже существовавшие проблемы. Ситуацию необходимо было менять кардинально. В национальных районах Южной Сибири проблема решалась двумя способами: 1) ликвидацией колхозов, 2) преобразованием колхозов в совхозы. Колхозы в начале 1960-х гг. были ликвидированы в Таштагольском районе и у телеутов, проживающих на территории Кемеровской области. Причины ликвидации были различны. В первом случае из-за их нерентабельности. Во втором главным фактором было развитие металлургической и угольной промышленности и попаданием значительной части сельскохозяйственных угодий в зону строительства предприятий и лесозащитной полосы. Второй способ – организация совхозов на базе укрупненных колхозов – использовался в Хакасии, Горном Алтае и частично в Горной Шории (в Кузедеевском и Мысковском районах). Одновременно в первых двух регионах решались проблемы механизации сельского хозяйства, трудовых ресурсов. В то же время в отношении двух других районов подобных сведений выявлено не было.

В 1960-1980-е гг. в национальных районах Южной Сибири были введены и действовали различные производственные формы. В Хакасии, в Горном Алтае и в местах компактного проживания телеутов (Кемеровская область) были организованы совхозы. При этом в Горном Алтае продолжали действовать и колхозы. В Горной Шории – кооппромхоз (в южной части региона) и совхоз (северная часть). В то же время следует отметить, что в «колхозный период» не произошло полной интеграции автохтонных этносов Южной Сибири в структуру социалистического общества. Традиционная экономика и культура продолжали играть определенную роль в хозяйстве этих народов.

Четвертая глава «Трансформация социально-экономических отношений в среде автохтонных народов Южной Сибири во второй половине 1980-х – начале 2000-х гг. Проблемы национального самоопределения» содержит три раздела. В *первом разделе* анализируется процесс роста национального самосознания у коренных народов Южной Сибири, формирования

национальных общественных движений во второй половине 1980-х – 1990-е гг., рассматривается правовой статус автохтонного населения Южной Сибири. Эти процессы были тесно связаны с изменением государственного курса в национальной политике, с трансформацией форм государственного устройства, активизацией национального общественного движения. В этот период в национальных регионах Южной Сибири формировались национально-общественные движения, во многом спровоцированные нерешенностью социальных проблем в среде коренных народов и политикой КПСС в сфере межнациональных отношений. На этом фоне создавались национально-культурные центры, общественно-национальные организации – Ассоциация шорского народа, Ассоциация телеутского народа «Эне-Байат», Ассоциация хакасского народа «Тун», и структуры (съезды), через которые озвучивались программы социально-экономического и политического развития автохтонных народов. Консолидирующей средой стала национальная интеллигенция. При этом значительная роль принадлежала слою городской интеллигенции. Наиболее активно данные процессы проходили в среде шорцев, телеутов и хакасов. Региональная специфика горно-алтайского региона заключалась в том, что данные процессы были не ярко выражены.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. основное внимание национальных ассоциаций было направлено на проблему определения правового статуса автохтонных народов. В определении и закреплении правового статуса на государственном уровне проявилось две тенденции. Первая была направлена на сохранение унифицированных прав гражданина СССР, затем Российской Федерации. Вторая – на предоставление особого правового статуса «народов Севера», затем коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Последняя была связана также и с таким фактором, как создание в РФ нормативно-правовой базы на федеральном и региональном уровнях (принятием Закона СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» 1990 г., Федеральный Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» 1999 г., Закон о правовом статусе малочисленных народов в Кемеровской об-

ласти 1999 г. и др.), а также международной правовой базы по отношению к коренным народам (принятой Генеральной конференцией Международной организации труда – МОТ в 1957 г. Конвенции 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах», в 1989 г. – Конвенции 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах»).

Особый статус получили шорцы и телеуты, проживающие в Кемеровской области (частично шорцы проживают в Республике Хакасия, телеуты – в Республике Алтай), а также ряд этнических групп, проживающих на территории Республики Алтай - кумандинцы, теленгиты, челканцы, тубалары. Это позволило им решать социально-экономические проблемы путем включения в федеральные и региональные программы развития коренных малочисленных народов. В рамках борьбы за правовой статус коренные народы Южной Сибири отстаивали свои интересы путем введения своих представителей в местные органы власти и создания различного рода комиссий и комитетов по международным отношениям; участия в законотворчестве по проблемам, затрагивающим их интересы.

Второй раздел на базе обширных архивных документов, как государственных фондохранилищ, так и материалов, отложившихся в текущих архивах ведомств и общественных организаций, анализа историографических данных рассматриваются проблемы, связанные с трансформацией национально-государственного устройства в исследуемых национальных районах Южной Сибири, с проявлением тенденций к самоопределению и формированием национального самоуправления. В 1990-е гг. происходит изменение политического статуса Горно-Алтайской и Хакасской автономных областей, их выход из состава краев и преобразование в автономные республики. Республика Алтай и Республика Хакасия стали полноправными субъектами Российской Федерации, обладающими всей полнотой государственной власти на своей территории, кроме полномочий, переданных высшим органам РФ, наделенными правом осуществлять собственное правовое регулирование по вопросам, отнесенным к их компетенции, самостоятельностью в решении политических, социально-экономических и культурных вопросов. Пути достижения поставлен-

ных задач были различны. В отличие от Горного Алтая, где оформление проходило в определенной степени «спокойно», и Кемеровской области, где требование автономий не выходило за правовые рамки, в Хакасии данные процессы могли вылиться в открытый межнациональный конфликт. Ситуация там была стабилизирована при значительных усилиях органов власти, позиции ряда общественных организаций и в целом населения.

В Хакасии определенная роль в процессе национально-государственного устройства и определения политического статуса вновь образованного субъекта Федерации принадлежала Ассоциации хакасского народа «Тун» и съездам хакасского народа, как дестабилизирующим факторам в национально-государственном строительстве. Одним из центральных программных положений Ассоциации был выход из состава Красноярского края и изменение статуса автономной области. Определение статуса вновь образованного субъекта Российской Федерации проходило в острой политической обстановке. Одним из принципиальных вопросов стала выработка и принятие «Декларации Республики Хакасия». Было предложено два варианта документа: «Декларация о государственном суверенитете Хакасии» и «Декларация о государственно-правовом статусе Хакасии». Часть депутатов Верховного Совета РХ отражала взгляды Ассоциации «Тун» и выступала за принятие первого документа, другая – второго документа. Принятие «Декларации о государственном суверенитете Хакасии» означало бы углубление сепаратистских тенденций в республике и ослабление связей с Россией в целом. Большинство населения не поддерживало данную линию. Результатом дискуссий по данному вопросу стало принятие решения на I сессии ВС в пользу второго варианта – о государственно-правовом статусе Хакасии в составе РФ. В итоге на обсуждение II сессии Верховного Совета РХ (3-6 марта 1992 г.) была вынесена «Декларация об основных правах, полномочиях и обязательствах Республики Хакасия в составе Российской Федерации» – вариант, который удовлетворил большинство депутатов. В ней были закреплены принципы территориальной целостности и единство Российской Федерации, и зафиксировано стремление Республики Хакасия создать правовую республику в составе Российской Федерации. Таким образом, сепаратистские тенденции в Хакасии не возобладали.

В Горном Алтае изменение правового статуса автономной области в отличие от Хакасии проходило без каких-либо эксцессов. Это подтверждается как архивными источниками, так и интервью с респондентами. Основным аргументом в решении вопроса стала возможность «проходить» отдельной строкой в союзном бюджете. Одновременно с вопросом о статусе региона определялся курс, по которому будет развиваться область: или как регион с развитием перерабатывающей промышленности на базе энергетики, или как эколого-экономическая зона. В результате широкого обсуждения на уровне руководства и общественности Горно-Алтайская автономная область в начале 1990-х гг. получила статус Эколого-экономической зоны «Горный Алтай». Основная цель – создание конкурентоспособных условий для отечественных и иностранных инвестиций на территории региона. В то же время вновь образованная зона не могла развиваться без государственной поддержки, поэтому Правительством РФ был принят ряд постановлений, которые могли ее обеспечить.

У коренных народов, ранее не имевших своих автономных образований (шорцев и телеутов), в конце 1980-х – начале 1990-х гг. также прослеживалось стремление к национально-территориальной автономии. При этом у лидеров общественно-национального движения не было четкого представления о границах района и его административно-территориальной структуре. Вплоть до 1993 г. данные устремления шорцев и телеутов, проживающих в Кемеровской области, поддерживались органами региональной власти. Кемеровским облисполкомом были подготовлены предложения в Госплан РСФСР и Министерство юстиции РСФСР о необходимости возрождения национальных районов, прослеживались попытки разработки концепции «национального района» с определением правового статуса. После принятия Конституции РФ (1993 г.), в которой были зафиксированы субъекты РФ и право решения вопросов социально-экономического и культурного развития малочисленных национальных групп в рамках развития местного самоуправления, поддержка идеи сохранения и возрождения шорского народа со стороны Администрации Кемеровской области осуществлялась не через предоставление автономии, а через отработку механизмов национальных администраций с предоставлением широких прав в области самоуправления. В Горной Шории требования автономизации

приняли форму политического шантажа. Так, в Постановлении II съезда шорского народа (1992 г.) констатировалась необходимость восстановления автономии шорского народа, давалось поручение народным депутатам России от Кемеровской области о внесении данного вопроса в повестку дня Верховного Совета РФ и при невыполнении им в определенные резолюцией съезда сроки предусматривалась возможность обратиться за помощью к международному сообществу, вплоть до ООН.

Анализ документов, отложившихся в архиве Ассоциации телеутского народа «Эне-Байат», выявил, что в этот период проблема автономизации стояла и перед телеутами. В частности лидерами Ассоциации был разработан Проект Устава телеутского национального округа, который определял правовой статус, структуру и функции органов управления, предусматривал экономическую и финансовую базы округа.

Основными мотивами стремления автономизации автохтонных народов Южной Сибири были декларируемое государством право на самоопределение, нерешенность социально-экономических проблем (ухудшение демографической ситуации, финансирование национальных регионов на развитие культуры и социальной сферы «по остаточному принципу» и др.) в среде коренных народов. Характерной чертой для всех национальных ассоциаций были декларации о том, что они представляли интересы своих народов.

Сосредоточив все свое внимание на попытках получения национально-территориальной автономии, из поля зрения автохтонных народов Южной Сибири выпала такая возможность, как реализация права сохранения и выражения их самобытности через национально-культурную автономию.

В 1990-е – начале 2000-х гг. идет оформление системы управления и самоуправления в национальных районах Южной Сибири. В данном процессе проявилось две тенденции.

Первая тенденция связана с дальнейшим развитием концепции, заложенной в конце XIX – начале XX столетий, получившей развитие в советский период, – унификации системы управления. Вплоть до настоящего времени в достаточной степени сложным остается вопрос определения функций местного самоуправления, особенно в отношении регуляции землепользования, взаи-

моотношений местной администрации с промышленными предприятиями, расположенными на территориях проживания коренных народов, формирования бюджетов и финансирования и др.

Вторая тенденция связана с попытками формирования национального самоуправления. В этот период были выработаны различные его формы: национальные сельские советы (в рамках территориальной модели) – в местах компактного проживания шорцев и телеутов в Кемеровской области, национальные общины (сочетание территориальной – сельский совет, сельская администрация, национальный автономный округ, и этнополитической модели – национальная община) в отдельных сельских поселениях Республики Алтай; национально-общественное самоуправление – советы старейшин: Чон-Чобі, Курултай алтайского народа, Совет паштыков в Горной Шории (в рамках этнополитической модели), общинное самоуправление в рамках ТТП. При этом первые две формы (национальный совет, национальная община) инициировались государством и были поддержаны национальными общественными организациями и национальной интеллигенцией. Одной из основных причин отказа от практики создания и расширения сети национальных сельсоветов в Кемеровской области и последующей ее ликвидации стало отсутствие механизма реализации декларируемого особого правового статуса шорцев, как коренного малочисленного народа в части самостоятельной регуляции природопользования на своей «этнической территории». Общинное самоуправление также не получило широкого распространения. Сведений о существовании подобных форм национального самоуправления в Хакасии не выявлено. Национально-общественное самоуправление было инициировано лидерами национально-общественного движения регионов и поддержано населением. В качестве основных задач объединений были определены культурное возрождение, сохранение традиционного образа жизни, воспитания молодого поколения, сохранения семьи. Решения данных общественных объединений для органов региональной и муниципальной власти имеют только рекомендательный характер. Формирования подобных структур у телеутов не прослеживается. Внедрение договорной модели в форме ТТП вплоть до настоящего времени в большей степени остаются попытками.

В *третьем разделе* рассматривается процесс реформирования экономических отношений в национальных районах Южной Сибири в 1990-е – начале 2000-х г. Процесс интеграции автохтонных народов в этот период характеризовался распадом социалистических моделей организации хозяйства – колхозов, совхозов, попытками возрождения различного рода кооперативных предприятий в рамках еще социалистического общества в годы перестройки, и, наконец, в ходе так называемой «шоковой терапии»: приватизацией социалистической собственности, реформированием поземельных отношений, т.е. попытками модернизации экономических отношений. Аграрная реформа начала 1990-х гг. проходила «по общему плану» без учета региональной и этнической специфики. В частности, не учитывались проблемы, связанные с этническими формами природопользования и выделения «этнических территорий». В то же время существующие региональные и этнические особенности определили специфику каждого района при переходе и интеграции автохтонных этносов к рыночной экономике. Значительная часть телеутов (Кемеровская область), часть шорцев (МО «г. Мыски-Мысковский район») ориентирована на занятие торговлей и личным подсобным хозяйством. Так, сельским хозяйством занимается лишь около 1/3 сельских жителей – телеутов, которые в большинстве своем объединены в национальном предприятии КФХ «Байат». Такая ориентированность вызвана расположением на территории их проживания промышленных гигантов, близостью городов и транспортных коммуникаций, значительной степенью интегрированности телеутов в советский период, ликвидацией колхозов в 1960-е гг. и др. Специфика шорцев заключается в возврате к традиционным формам хозяйствования – промыслам, принимающим зачастую хищнические размеры и форму браконьерства. Тем более, что личное подсобное хозяйство в природно-климатических условиях Горной Шории никогда не могло обеспечить семьи стабильным доходом. В Горном Алтае, так же как и в Горной Шории, основной формой интеграции стал переход к традиционным формам занятости – отгонному скотоводству, на базе которого формируются КФХ. В то же время там сохраняются и старые модели – коллективные хозяйства. В Хакасии специфика интеграции заключается в большом удельном весе личных подсобных хозяйств, а также в значительной степени ориентированно-

сти хакасского населения, главным образом молодежи, на предпринимательство и мелкий бизнес.

Определенное внимание проблемам, связанным с интеграцией автохтонных народов, в том числе и Южной Сибири, уделяется международным сообществом, в частности посредством разработки различного рода программ. Одной из таких является ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия Саяно-Алтайского горного экорегиона», реализация которой началась в начале 2000-х гг. на территориях Горного Алтая, Хакасии и Горной Шории. На ее базе отрабатываются модели интеграции коренного населения в рыночную экономику. Она предусматривает создание альтернативных форм занятости, расширение числа рабочих мест в национальных поселках и др. В Программе проблема сохранения биоразнообразия напрямую связана с проблемами борьбы с бедностью сельского населения и хищническими (браконьерскими) формами природопользования. Также в ее рамках определены проблемы формирования этно-территориального самоуправления (в частности, родовых общин), правового закрепления этнических территорий в форме «территорий традиционного природопользования» (ТТП), учета этнических интересов при выработке программ социально-экономического развития территорий.

При проведении аграрной реформы не выделялись, так называемые «этнические территории», от чего во многом зависит решение проблемы придания определенной устойчивости традиционному укладу жизни и природопользования для части автохтонных народов Южной Сибири. Это обусловливается прежде всего экстенсивным характером землепользования сельского населения, сохраняющегося в течение последних столетий. Поэтому для алтайцев, шорцев, телеутов и хакасов одной из важнейших задач является проблема их сохранения. В целом понятие «этническая территория» равноценно понятию «территории традиционного природопользования» (ТТП), выработанного и закрепленного в законодательстве Российской Федерации, как особо охраняемых природных территорий, образованных для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни. Проблема выделения ТТП для коренных народов не решена вплоть до настоящего времени, т. к. не определен правовой статус ТТП. Особенно остро она проявляется в районах расположе-

ния промышленных гигантов. Это в полной мере относится к «мысковской группе» шорцев, телеутов Беловского района и г. Новокузнецка (Кемеровская область), хакасам (Республика Хакасия). Попытки частичного решения проблемы выделения «этнических территорий» были предприняты в конце 1980-х – начале 1990-х гг. путем выделения особо охраняемых территорий – национальных природных и природно-хозяйственных парков, например, в Республике Алтай и Кемеровской области.

В настоящее время проблема сохранения «этнических территорий» у автохтонных народов связана с рядом факторов. Важнейшими из них являются: 1) нерешенность вопроса поземельных отношений; 2) сокращение территорий для ряда коренных этносов, на которых они исконно проживали и вели свое хозяйство; 3) ухудшение качества земель в связи с неблагоприятной экологической обстановкой в результате деятельности промышленных предприятий; 4) желание коренных народов вести традиционные виды хозяйства, организация национального самоуправления, самостоятельное решение ряда социально-экономических вопросов для своего этноса.

Пятая глава «Социальные и демографические последствия интеграции автохтонных народов Южной Сибири в 1920-е – начале 2000-х гг.» состоит из двух разделов. В *первом разделе* анализируются основные тенденции социального развития районов расселения коренных народов Южной Сибири. Социалистические преобразования в значительной степени повлияли на развитие социальной инфраструктуры в национальных районах Южной Сибири. В 1920-1930-е гг. были сделаны важные шаги в решении этой задачи. Создание и развитие системы здравоохранения и образования в Хакасии, Горном Алтае, Горной Шории, в местах компактного проживания телеутов стало возможным только при организации крупных хозяйств и укрупнении поселков. До начала коллективизации было затруднительно охватить обучением и медицинским обслуживанием все население, разбросанное на достаточно большой территории, при отсутствии дорожно-транспортных коммуникаций. За годы советской власти повысился общий образовательный уровень алтайцев, хакасов, шорцев и телеутов, была сформирована прослойка национальной интеллигенции. В то же время сложившаяся система образования, отсутствие национального ком-

понента и частичная утрата родного языка, наряду с повышением роли русского языка, увеличением межнациональных браков во многом способствовала активизации ассимиляционных процессов в среде автохтонных этносов. Они отмечались у шорцев, телеутов, хакасов, частично у алтайцев. Создавшаяся ситуация вызывала беспокойство у национальной интеллигенции, которая уже в конце 1980-х гг. принимала активное участие в разработке программ воспитания и обучения подрастающего поколения из коренных народов, в которых бы учитывалось стремление сохранять и развивать материальную и духовную культуру своих предков. И главным здесь является приобщение подрастающего поколения к основам «аборигенной технологии», ведения традиционной хозяйственной деятельности и подготовку к приемам выживания в экстремальных условиях. Реализовать это можно через создание сети этнических и культуротворческих школ, проведение «уроков этнической толерантности» в рамках гражданско-правового образования, организации дистанционного обучения («Антенны») для школьников – представителей автохтонных этносов и др.

Созданная в советский период система здравоохранения способствовала понижению распространения ряда инфекционных заболеваний, сокращению смертности среди коренных народов, особенно детской. Хотя полностью избавиться от некоторых заболеваний не удалось. Но, несмотря на определенные трудности, достижения в сфере медицинского обслуживания позволили в дальнейшем сосредоточить внимание медицинских работников и ученых на выявлении и решении других проблем, например, в области генетики. Результатом этих исследований в 1960-1980-е гг. стало выявление ряда наследственных заболеваний: алиментарной анемии примерно у 70% детей в возрасте до 5 лет и до 45% детей раннего возраста в результате нехватки в организме ряда элементов (меди, железа, кобальта и др.) в Горном Алтае как результат традиционного питания, заболеваний щитовидной железы в Горной Шории из-за недостатка йода. В ходе исследований были разработаны и реализовывались мероприятия по профилактике этих заболеваний.

Кроме этих вопросов, существовал и ряд социальных проблем, формировавшихся в ходе социалистических преобразований в основном в среде сельского населения и носивших латентный (скрытый) характер. Политика, прово-

димая советским государством на протяжении нескольких десятилетий, приводила к необходимости адаптации коренного населения к новым условиям жизни и деятельности, что проявлялось не только в усилении ассимиляционных процессов. В ходе социалистических преобразований менялась система и структура расселения автохтонных народов. Все это вело к частичной утрате национального самосознания и идентификации: сохранность родового самосознания у коренных народов Южной Сибири стала неодинакова. Например, у шорцев оно утрачено, у телеутов сохранилось частично, у алтайцев сохранилось практически полностью. Латентные процессы, связанные с попытками сохранения этноса (заключение браков внутри своего этноса), привели к возникновению и увеличению количества наследственных заболеваний (алтайцы и телеуты). В меньшей степени эти процессы проявлялись у шорцев и хакасов. На ситуации в здравоохранении в 1990-х – начала 2000-х гг. в местах проживания коренных народов во многом сказались такие факторы, как незавершенность при ее формировании в советский период, недостатки и трудности в работе лечебных учреждений и подготовке медицинских кадров, переход к платной медицине повлекли негативные явления, выразившиеся в сокращении сети медицинских учреждений в сельской местности, увеличению как общих, так и социальных заболеваний у населения.

Во *втором разделе* рассматриваются демографические последствия интеграции коренных народов Южной Сибири в 1930-е – начале 2000-х гг. Интеграция коренных народов Южной Сибири, проводимый государством на протяжении XX столетия в экономической и социальной сферах, привел к значительным демографическим изменениям, изменениям в системе расселения автохтонных этносов, трансформации их социальной структуры. Произошло увеличение общей численности населения в исследуемых нами регионах. Основными факторами в период социалистических преобразований для всех регионов стали реализация переселенческой политики и миграции населения из других регионов страны, индустриализация и дальнейшее промышленное развитие таких регионов, как Хакасия и Горная Шория, коллективизация сельского хозяйства. В результате удельный вес коренных народов снижался, удельный вес численности других национальностей увеличивался. Произошли из-

менения в их системе расселения и концентрации, особенно четко это прослеживается в промышленно развитых регионах. В Хакасии местами компактного проживания стали Аскизский и Таштыпский районы, в Горной Шории – Таштагольский район. Хотя и хакасы, и шорцы проживают и в других районах, однако их расселение является дисперсным. Более равномерно расселены алтайцы в Горном Алтае и телеуты в Беловском, Гурьевском и Новокузнецком районах Кемеровской области. Все автохтонные народы Южной Сибири в ходе социалистических преобразований переводились на оседлый образ жизни. В ходе коллективизации и дальнейшей реорганизации сельскохозяйственного производства население концентрировалось в более крупных поселках, уходило в города или на промышленные предприятия (особенно в промышленно развитых регионах). Мелкие улусы и аалы исчезали. С развитием социальной инфраструктуры, промышленности стали появляться и новые социальные слои – рабочие и служащие. С появлением городов и поселков городского типа усилилась миграция населения в города и их урбанизация.

Реформы 1990-х гг. во многом усилили негативные тенденции. К началу 2000-х гг. отмечались депопуляционные процессы в среде коренных этносов Южной Сибири – снижение уровня рождаемости, увеличение уровня смертности.

В **Заключении** диссертационной работы подводятся итоги исследования и формируются общие выводы. В течение XX – начале XXI столетий государством активно проводилась политика, направленная на интеграцию автохтонных народов в модернизируемое общество. На примере Горного Алтая, Хакасии, Горной Шории, районов компактного проживания бачатских телеутов прослеживается, что данный курс реализовывался через определение правового статуса коренного населения, организацию системы управления и самоуправления, системы образования и здравоохранения, «коренизацию», административно-территориальное устройство регионов, модернизацию экономики.

Создание автономных образований на территории Южной Сибири – Ойротской автономной области, Горно-Шорского национального района, Хакасского уезда (инородческого) проводилось на базе экономического и этниче-

ского принципов, и стало результатом реализации идей самоопределения, сформированных в среде национальной интеллигенции и части коренного населения, попыткой решения проблем, связанных с конфликтами в землепользовании между русским и коренным населением. В отношении бачатских телеутов (Кузнецкий округ) проводилась политика на их полную интеграцию в административно-территориальную структуру без учета этнической составляющей, а лишь с учетом экономической целесообразности.

В исследуемый период прослеживалась тенденция, направленная на унификацию правового статуса и системы управления и самоуправления (в форме советов), которая начала формироваться еще в дореволюционный период. В 1920-1980-е гг. алтайцам, хакасам, шорцам и телеутам предоставлялись права и обязанности гражданина СССР, в 1990-е – начале 2000-х гг. – гражданина Российской Федерации независимо от их социальной и национальной принадлежности. В постсоветский период проявилась вторая тенденция – предоставление особого правового статуса для коренных малочисленных народов и организация различных форм национального самоуправления. Это позволило народам, отнесенным к данной категории, быть включенными в различные федеральные программы развития малых этносов с целью получения дополнительного финансирования и льгот и т.д.

В ходе модернизации экономики в течение 1920-х – начале 2000-х гг. государством были предложены и апробированы различные модели организации сельского хозяйства. Коллективизация в национальных районах Южной Сибири проходила в целом по общему плану коллективизации сельского хозяйства в стране. Региональная специфика проявилась на ее начальном этапе при выборе форм колхозов. Коллективизация сопровождалась широкомасштабным переводом на оседлость кочевников и «бродячих инородцев» - алтайцев, хакасов, шорцев, что было необходимым условием для успешного ее проведения, изменением сельскохозяйственной специализации и внедрением зернового хозяйства.

Однако попытка государства ввести традиционное общество автохтонных этносов в ряде регионов Южной Сибири в модернизируемое общество через коллективные формы организации производства и распределения оказалась

неудачной. Основные цели коллективизации и колхозной модели развития сельской экономики не были достигнуты. Не было выполнено ленинское программное положение о социалистическом преобразовании сельского хозяйства. Не произошло и повышения уровня благосостояния колхозников. Это было связано прежде всего с двумя факторами. В ходе социалистических преобразований не учитывалось, что традиционная экономика не способна динамично приспособливаться к новым технологиям. Государством была предпринята попытка перевода хозяйств скотоводов (алтайцев, хакасов, телеутов) и охотников и собирателей (шорцев, частично алтайцев и хакасов) в крупное многоотраслевое хозяйство. Это, в сущности, явилось коренной ломкой традиционных форм. В течение колхозного периода они продолжали играть в хозяйстве коренных народов (особенно шорцев и алтайцев) значительную роль. Для ряда регионов не учитывался и экологический фактор: природно-климатические характеристики ограничивали развитие производящих отраслей сельского хозяйства (в полной мере в Горной Шории, частично в Горном Алтае и Хакасии).

В то же время предложенный ВКП(б) курс на коллективизацию в комплексе с промышленным развитием регионов, особенно Хакасии, Горной Шории, мест компактного проживания бачатских телеутов, имел и положительное значение для коренных народов. Это выразилось в создании систем здравоохранения и образования, подготовке национальных кадров, формировании слоя национальной интеллигенции, ликвидации ряда эпидемиологических и социальных заболеваний у алтайцев, хакасов, шорцев и телеутов. Только при организации крупных колхозов и совхозов, сосредоточении населения, ведущего кочевой и полукочевой образ жизни в укрупненных поселках и т.п. стало возможным решение этих проблем. Именно социальные последствия не позволяют говорить об однозначном провале политики коллективизации и колхозного строительства в национальных районах Южной Сибири. В ходе социалистических преобразований произошли изменения в системе расселения коренных народов Южной Сибири, их социальной и возрастной структуры.

Интеграция автохтонных народов Южной Сибири в рыночную экономику была связана с реализацией аграрной реформы начала 1990-х гг. Она проводилась «по общему плану» (ликвидация колхозно-совхозной модели, процесс

приватизации земли) без учета региональной и этнической специфики, сложившейся в годы советской власти промышленной инфраструктуры регионов, наличия обширных земельных площадей, принадлежащих госфонду и гослесфонду и др. Государством были вновь предложены универсальные модели организации сельскохозяйственного производства – различного рода ТОО, ООО, фермерские хозяйства и т.п. В этом проявилась определенная схожесть с ситуацией 1920-1930-х гг. Региональные и этнические особенности автохтонных народов определили специфику интеграции в экономической сфере каждого из исследуемых районов.

Одной из важнейших составляющих интеграции «этнических меньшинств» в государственную структуру и ее последствием является возникновение тенденций к национальному самоопределению, принимающих в ряде случаев форму сепаратизма, который понимается как стремление к обособлению, движение за предоставление части страны автономии. Его возникновение и развитие у «национальных меньшинств» в значительной степени определено ростом межэтнического самосознания, стремлением сохранить целостность этноса и его культурной специфики. Интеграция автохтонных народов Южной Сибири в течение 1920-х – начала 2000-х гг. сопровождалась значительными изменениями в социальной и демографической структуре национальных районов. С одной стороны, создание систем образования и здравоохранения в советский период помогли решить наиболее важные социальные проблемы: снижение смертности населения, распространение инфекционных заболеваний, повышение уровня образования, воспитание национальной интеллигенции и т.д. С другой, ряд проблем, сложившийся в ходе социалистического строительства в основном в среде сельского населения и носивший латентный характер, вызывал беспокойство у национальной интеллигенции и части коренного населения. Они связаны с необходимостью адаптации коренного населения к новым условиям жизни и деятельности, усилившиеся ассимиляционные процессы, изменение демографической структуры с понижением удельного веса коренного населения, частичная утрата национального самосознания и идентификации, незавершенность формирования систем образования и здравоохранения и другие проблемы. В значительной мере межэтниче-

скую ситуацию обострили реформы конца 1980-х – 1990-х гг., в ходе которых проявились все негативные явления: несоответствие уровня развития сельского хозяйства и уровня развития промышленности, нерешенность вопросов финансирования и содержания лечебных и образовательных учреждений, их сокращение после ликвидации колхозов, безработица в ряде регионов, к которой привела ликвидация колхозов, усилившаяся миграция молодежи в города и крупные поселки и депопуляционные процессы.

В качестве реакции на общую направленность интеграционных процессов, инициированных государством, и их последствия можно рассматривать формирование национальных общественных движений и организаций в среде коренных народов Южной Сибири, ориентированных на «защиту» этнических интересов. Консолидирующей силой и основным выразителем данных идей в этот период стала национальная интеллигенция, главным образом «городская». Определенную роль в этом процессе сыграло снижение идеологического и политического диктата, ослабление «пресса» карательных органов, возможность использования международного опыта в решении межнациональных проблем. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. вновь стал актуальным вопрос самоопределения коренных народов Южной Сибири и их автономии. В результате Хакасская и Горно-Алтайская автономные области самоопределились в форме республик в составе Российской Федерации, повысив свой политический статус и потенциал в развитии социально-экономической сферы. Все попытки шорцев и телеутов, проживающих на территории Кемеровской области, по созданию автономных образований остались не реализованными.

На примере хакасов, алтайцев, шорцев и телеутов прослеживается, что формирование политической направленности на национальное самоопределение имеет определенную цикличность. С одной стороны, стремление к национальному самоопределению проявляется в открытой форме в период ослабления централизованной власти и кризиса общественных отношений, является неотъемлемой частью межэтнических отношений в целом и реакцией на интеграционные процессы. В течение исследуемого нами периода у этих этносов оно наиболее ярко проявилось в 1920-е гг. и в конце 1980-х – начале 1990-х гг. С другой стороны, данные устремления «сопутствуют» интеграции и тогда но-

сят латентный (скрытый) характер (конец 1930-х – 1970-е гг.). В конце 1990-х – начале 2000-х гг., в период стабилизации социально-экономической и политической ситуации в стране, тенденции, направленные на достижение национального самоопределения у автохтонных народов Южной Сибири, в очередной раз перешли в латентное состояние. Специфика современного состояния проблемы соотношения социо-культурных и социально-экономических интеграционных и этнополитических процессов заключается в том, что уже она вышла за пределы Российской Федерации и в достаточной степени активно рассматривается на уровне международных организаций и объединений (ООН, ЮНЕСКО, Глобального Экологического Фонда и др.). Это свидетельствует о включении Южной Сибири в сферу влияния международных правозащитных организаций и значительном «ограничении» для государственных структур возможности проведения интеграционного политического курса без учета мнения национальных общественных организаций и международного сообщества.

Апробация результатов исследования. Диссертационная работа является итогом почти 15-летней работы автора по проблеме интеграции коренных автохтонных народов Южной Сибири в структуру социалистического и постсоветского общества. Тема диссертации выполнена в соответствии с планом научных исследований совместной лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Института угля и углехимии СО РАН и Кемеровского государственного университета и кафедры новейшей отечественной истории Кемеровского государственного университета, в соответствии (как исполнитель) с проектами Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Традиционные системы жизнеобеспечения горных и горно-таежных районов Южной Сибири XIX-XX вв.» (96-06-80549-а, 1996-1998 гг.), программы «Университеты России» по теме «Экологический мониторинг в горно-таежных ландшафтах Саяно-Алтая. Методологические принципы, методика» (1998-1999 гг.), Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Современные методы прикладной этнологии (2001-2003 гг.), с проектами Администрации Кемеровской области: хозяйственных тем «Альтернатива» (этнологическое обследование Усть-Колзасского и Чилису-Анзасского сельсоветов Таштагольского района Кемеровской облас-

ти, 1993-1994 гг.), «Кузбасская комплексная экспедиция (2003 г.), «Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области» (2006 г.), «Этнологическая экспертиза. Программа проекта ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия в российской части Алтае-Саянского экорегиона»: Таштагольский район Кемеровской области» (2007-2008 гг.). Апробация основных положений осуществлялась на конференциях международного, всероссийского и регионального уровней. Результаты исследования использовались при подготовке учебных курсов по отечественной истории. По теме диссертации опубликовано 42 научные работы, наиболее значимые из которых:

Научные статьи в журналах, рекомендованных в списке ВАК:

1. Белозёрова, М. В. Проблемы устойчивого развития этносов в угледобывающих районах (на примере Кемеровской области) / А. Н. Садовой, М. В. Белозёрова // Ползуновский вестник. – 2005. – № 4 (Ч. 2). – С. 41-46 (0,8/0,4 п.л.).
2. Белозёрова, М. В. Рациональное использование ресурсов промысловых млекопитающих и уклад жизни коренного населения гор юга Сибири / П. В. Баранов, М. В. Белозёрова, А. Н. Садовой // Проблемы региональной экологии. – М., 2006. – № 6. – С. 78-83 (0,7/0,2 п.л.).
3. Белозёрова, М. В. К проблеме моделирования «национального» самоуправления у коренных малочисленных народов Южной Сибири / М. В. Белозёрова // Вестник Томского государственного университета. – № 294. Январь, 2007. – С. 139-143.
4. Белозёрова, М. В. Развитие кооперации в Хакасии в 1920-1930-е гг. / М. В. Белозёрова // Вестник Томского государственного университета. – № 303. Октябрь 2007. – С. 51-54.
5. Белозёрова, М. В. К истории образования Ойротской автономной области (начало 1920-х гг.) / М. В. Белозёрова // Вестник Томского государственного университета. – № 308. Март 2008. – С. 61-66.

6. Белозёрова, М. В. К проблеме интеграции коренных малочисленных народов Южной Сибири в рыночную экономику в 1990-е – начале 2000-х гг. (на примере бачатских телеутов) / М. В. Белозёрова // Вестник Томского государственного университета. – № 309. Апрель 2008. – С. 71-75.

7. Белозёрова, М. В. К проблеме проявления сепаратизма у коренных народов Южной Сибири: XX столетие / М. В. Белозёрова // Вестник Томского государственного университета. – № 312. Июль 2008. – С. 69-73.

Монографии:

8. Белозёрова, М. В. Шорцы: жизнь и реформы (20-е – 60-е гг. XX в.). Опыт интеграции в социалистическое общество / М. В. Белозёрова – Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2004. – 319 с.

9. Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы / А. Н. Садовой, Л. И. Гвоздкова, М. В. Белозёрова, Н. В. Скалон, С. С. Онищенко, Е. С. Кузнецова и др. – Кемерово: ИУУ СО РАН, 2003. – 356 с. (29,5/3,35 п.л.).

10. Этнологическая экспертиза: оценка воздействия ООО «МетАл, ОАО «ММК» - «Магнитогорский металлургический комбинат» и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области / А. Н. Садовой, В. А. Бойко, О. В. Нечипоренко, В. В. Поддубиков, М. В. Белозёрова и др. – Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2005. – Вып. 1. – 220 с. (27,5/1,2 п.л.).

Статьи в сборниках международных и всероссийских конференций:

11. Белозёрова, М. В. Интеграция малочисленных народов в модернизируемое общество / М. В. Белозёрова // Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности. Материалы международной научно-практической конференции (г. Кемерово, ноябрь, 2003 г.). – Кемерово: ИУУ СО РАН, 2003. – С. 13-17.

12. Белозёрова, М. В. Опыт создания системы школьного образования в национальных районах СССР (20-е гг. XX в.) / М. В. Белозёрова, А. Н. Садовой //

Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности. Материалы международной научно-практической конференции (г. Кемерово, ноябрь, 2003 г.). – Кемерово: ИУУ СО РАН, 2003. – С. 178-182 (0,7/0,5 п.л.).

13. Белозёрова, М. В. К истории формирования национальной интеллигенции / М. В. Белозерова // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Материалы III Всероссийских научных чтений (г. Кемерово, 17-18 декабря 2003 г.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – С. 38-40.

14. Белозёрова, М. В. Сельское хозяйство национальных районов Южной Сибири в период индустриализации. Труды IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Кемерово, октябрь 2003 г.) / М. В. Белозёрова - Кемерово: ИУУ СО РАН, 2003. – Т.2. – С. 411-417.

15. Белозёрова, М. В. Всесоюзная школьная перепись 1927 г. (опыт статистической обработки) / А. Н. Садовой, М. В. Белозёрова // Документ в меняющемся мире: Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции (г. Томск, 27-28 ноября 2003 г.) – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2004. – С. 185-187 (0,4/0,2 п.л.).

16. Белозёрова, М. В. Опыт взаимодействия органов региональной власти и национальных ассоциаций в 90-е гг. XX в. / М. В. Белозёрова // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Томск, 19-21 октября 2005 г.). – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2007. – С. 265-270.

17. Белозёрова, М. В. Опыт создания системы образования у коренных малочисленных народов Южной Сибири (20-е г XX в. – XXI в.) / М. В. Белозерова // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 26-28 апреля 2005 г.). – Новосибирск: Нонпарель, 2005. – С. 361-374.

18. Белозёрова, М. В. Национальное образование в стратегии устойчивого развития: региональный аспект (на примере Кемеровской области) / А. Н. Садовой, М. В. Белозерова, Е. С. Кузнецова, В. В. Поддубиков // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. Материалы международной

научно-практической конференции (г. Новосибирск, 26-28 апреля 2005 г.). – Новосибирск: Нонпарель, 2005. – С. 299-311 (0,8/0,5 п.л.).

19. Белозёрова, М. В. Система управления и местного самоуправления в оценке молодых национальных лидеров / М. В. Белозёрова // Коренные народы Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем: Материалы международной научной конференции (г. Горно-Алтайск, 17-19 октября 2006 г.). – Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского госуниверситета, 2006. – С. 173-190.

20. Белозёрова, М. В. Экономические аспекты деятельности Томской колонизационно-переселенческой партии (1920-1930-е гг.) / М. В. Белозёрова // Экономическая история Сибири XX века: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Барнаул, 30 июня-1 июля 2006 г.). – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2006. – С. 215-224.

21. Белозёрова, М. В. Источники этнологических экспертиз: опыт интеграции коренных народов Южной Сибири / М. В. Белозёрова // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока. Сборник материалов Всероссийской конференции (г. Томск, 6-8 сентября 2007 г.). – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2007. – С. 162-166.

22. Белозёрова, М. В. Проблемы интеграции автохтонного населения Саяно-Алтайского региона в рыночную экономику / А. Н. Садовой, М. В. Белозёрова // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Томск, 22 мая 2007 г.). – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2007. – С. 226-237 (0,7/0,3 п.л.).

Статьи в сборниках научных работ:

23. Белозёрова, М. В. Некоторые аспекты оценки эффективности политики коллективизации в Горной Шории / А. Н. Садовой, М. В. Белозёрова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI годовой итоговой сессии ИАиЭт СО РАН. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1998. – Т.IV. – С. 101-106 (0,3/0,2 п.л.).

24.Белозёрова, М. В. Политика коллективизации в национальных районах (на примере Горной Шории) / М. В. Белозёрова // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск: ИАиЭт СО РАН, 2000. – С.53-63.

25.Белозёрова, М. В. Проблемы интеграции «малых» этносов в индустриальное общество / А. Н. Садовой, М. В. Белозерова // Центральная Азия: проблемы современного социокультурного развития. – Новосибирск: НГУ, 2003. – С. 118-139 (1,5/0,7 п.л.).

26.Белозёрова, М. В. К истории формирования и деятельности органов местного управления и самоуправления в Горной Шории / М. В.Белозёрова // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. – Кемерово: ИУУ СО РАН, 2004. – Т. 1. – С. 461-468.

27.Белозёрова, М. В. К истории переселенческой политики в Горной Шории / М. В. Белозёрова // Разыскания. – Кемерово: ОАО Кузбасс, 2004. – Вып. 6. – С. 203-216.

28.Белозёрова, М. В. К исследованию системы взаимоотношений этнических меньшинств и промышленных предприятий / М. В. Белозёрова // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – С. 307-311.

29.Белозёрова, М. В. Политика в области образования и коренные малочисленные народы Сибири (на примере шорцев) / М. В. Белозёрова // Кай – культурное наследие шорского народа. Материалы Первого симпозиума по изучению форм шорского народного эпоса. – Кемерово: ОАО Кузбасс, 2006. – С. 88-99.

30.Белозёрова, М. В. Некоторые проблемы в развитии системы национального школьного образования в 80-е гг. XX в. – начале XXI в. / М. В. Белозёрова // Сибирь: XX век. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – С. 181-188.

31.Белозёрова, М. В. Социальные последствия интеграции коренных народов Саяно-Алтая: латентные процессы XX в. / М. В. Белозёрова // Актуальные вопросы истории Сибири. Шестые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2007. – Ч. 1. – С. 41-46.

Учебные пособия, методические разработки:

32. Белозёрова, М. В. Формирование и реализация курса национальной политики в СССР: учебно-методический комплекс / М. В. Белозёрова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 31 с.

33. Наш дом – Горная Шория: учебное пособие / А. Н. Куприянов, А. Н. Садовой, Н. В. Скалон, М. В. Белозёрова, В. В. Поддубиков и др. – Кемерово: КРЭОО «Ирбис», 2007. – 164 с. (9,5/0,8 п.л.).

Подписано к печати 11.08.2008 г. Формат бумаги 60x84^{1/16}. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл.печ.л.3,1. Тираж 100 экз. Заказ № 93/515

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Отпечатано в типографии издательства «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7.